

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАППО
(Новосибирск, Россия)

**Национально-культурная самоидентификация
в русскоязычной художественной литературе XXI века:
лингвистический аспект (на материале романа
Е. Водолазкина «Лавр»)¹**

Аннотация: В статье анализируются языковые приемы конструирования этнокультурной идентичности в пространстве романа Е. Водолазкина «Лавр». Описывается языковая идентичность героев и нарратора, основанная на совмещении элементов древнерусского языка и различных стилистических пластов современного русского языка, и значимая оппозиция *Средневековье / Древняя Русь*. Доказывается, что интерпретация национально-культурной самоидентификации в художественном тексте может стать инструментом выявления его смысловой доминанты.

Ключевые слова: Этнокультурная идентичность, самоидентификация, анахронизм, хрононим, «Лавр»

Исследование самоидентификации как вербального выражения и описания идентичности определяется антропоцентрическим поворотом в лингвистике, который базируется на междисциплинарных связях в современной науке. Наш анализ исследований идентичности по психологии (Э. Эриксон, Г. Тэджфел, Д. Тёрнер, И.С. Кон), социологии (И. Гофман, Дж. Мид, Ч. Кули, П. Бергер, Т. Лукман, В.Я. Ядов), истории, политологии и этнографии (Я. Ассман, В.А. Тишков, В.С. Малахов), философии (Р. Павилёнис, П. Рикёр, М.А. Фадеичева, В.Н. Брюшинкин, Л.В. Кривых) показал, что идентичность – это переживание чувства принадлежности или, наоборот, непринадлежности к какой-либо группе или категории людей (см. подробнее: ЛАППО 2013). В основе этого подхода находится идея о том, что идентичность, являясь значимым эмоциональным и интеллектуальным переживанием человека, конструируется комплексом вербальных и невербальных средств, выражается и описывается.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» в рамках научного проекта № 21-512-23003 «„Своё” и „чужое” в современном русском (русскоязычном) и венгерском художественном тексте».

В науке рассматриваются языковая, половая, сексуальная, гендерная, этническая, национальная, семейная, религиозная, возрастная, профессиональная, социокультурная, гражданская, социальная, культурная и другие виды идентичностей. Национально-культурная идентичность предполагает отношение человека к территории и государству, которые, как правило, связаны единством нации, религии, общностью привычек в работе, питании, проведении досуга, особенностями порождения и восприятия предметов искусства и других проявлений жизни. В основе выражения и описания национально-культурной идентичности лежит языковая идентификация (то есть использование определенного национального языка), использование топонимов, топонимов-хронимов и собственно хронимов (*Россия, Киевская Русь, Русь, Российская империя, СССР, Новое время, наше время*), наименований лиц по национальному, территориальному и конфессиональному признакам (*русский, россиянин, москвич, сибиряк, католик*), а также общие для отражения категории «свое / чужое» прямые и косвенные языковые средства (различные маркеры «чуждости», столкновение элементов лексических оппозиций *мы/они, наш/ваш, свой/чужой, другой, хороший/плохой* и др.). В художественном дискурсе особую роль играет заимствованная лексика (УРАЗБЕКОВА 2014).

В данной статье анализируется национально-культурная самоидентификация в пространстве сконструированного художественного мира – речевых партий героев и нарратора романа российского писателя Евгения Водолазкина «Лавр»². Гипотеза исследования заключается в том, что выявленный зазор между этими двумя (само)идентификационными дискурсами может стать ключом к выявлению смысловой доминанты художественного текста. Как известно, «Лавр», опубликованный в 2012 году, получил не только собственно литературное признание в виде книжных премий «Ясная Поляна» и «Большая книга» и переводов более чем на 30 иностранных языков, но и солидное филологическое осмысление в десятках научных статей и фрагментах монографий. Однако в рамках заявленного аспекта роман ранее исследован не был. Кроме того, анализ национально-культурной самоидентификации в художественном пространстве одного произведения является для нас апробацией не только герменевтического инструментария текста, но и инструментом анализа литературного процесса русскоязычных авторов современной литературы.

Языковая идентичность героев романа занимает первостепенное место в художественной структуре текста. Вопрос языка как маркера этнической идентичности был поднят специалистами по контактной лингвистике, изучающими специфику освоения языка билингвами и

² Далее в тексте статьи роман цитируется по изданию (ВОДОЛАЗКИН 2015), страницы указываются в круглых скобках.

полилингвами: «Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национальному патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в „отстаивании”» (ВАЙНРАЙХ 1972: 57–58). Как указывает Г.В. Быкова, «любой язык всегда способен выразить культуру народа, говорящего на нем. Если изменяется культура, то одновременно модифицируется язык, если погибает культура, то и язык, как правило, становится миноритарным и маргинальным» (БЫКОВА 2007: 293). Думается, что именно поэтому, как пишет М.М. Шахбанова, «приобщенность к важнейшему признаку этнической культуры – национальному языку как хранителю и ретранслятору духовных ценностей, выражающих менталитет и характер народа, национальные чувства, – углубляет у его носителей ощущение принадлежности к данному этносу, формирует национальное самосознание» (ШАХБАНОВА 2010: 290).

Практически все исследователи «Лавра» обратили внимание на то, что в речи героев повествования, отражающего события с 1440 по 1520 годы, совмещаются древнерусский, церковно-славянский (старославянский) и современный русский языки. Наиболее глубокими, детализированными исследованиями лингвистического аспекта текста романа нам представляется статья Е.Ю. Соловьева «Специфика презентации речи героев в романе Е. Водолазкина „Лавр”» (СОЛОВЬЕВ 2016) и работа М. Липовецкого «Анахронизмы в *Лавре* Евгения Водолазкина, или Насколько серьезна „новая серьезность”» (ЛИПОВЕЦКИЙ 2019). Говоря о специфике использования древнерусских элементов в романе, Е.Ю. Соловьев пишет: «В некоторых случаях это скрытые цитаты из прецедентных древнерусских текстов. Так, в речи героев можно найти цитаты из «Толковой Палеи», «Физиолога», «Бытия», «Последования по исходу души от тела», «Псалтыри», «Евангелия от Иоанна», «Жития Василия Блаженного» и др. Кроме того, герои читают древнерусские тексты: «Александрию», «Откровение Авраама», «Сказание об Индийском царстве», рассказы о Соломоне и Китоврасе» (СОЛОВЬЕВ 2016: 108). Обычная устная речь, диалоги персонажей также включают элементы древнерусского языка разной протяженности: «...от одного до нескольких предложений подряд, но не более пяти предложений подряд» (Там же, 106–107). Уточним: от одного слова, точнее говоря, словоформы, до нескольких предложений. Чаще всего такой словоформой выступает личное имя в функции обращения, в звательной форме, например:

Наше тело, Арсение, как разлитая ртуть, которая лежит, распавшись на мелкие шарики, на земле, но с землей не смешивается (37).

Совмещение древнерусской и современной русской речи в речи героев представлено во всех возможных вариантах:

1) без вкраплений современной речи (в приведенном ниже примере мы видим скрытую цитату из Книги Бытия): *В звездную октябрьскую ночь Христофор повел мальчика на луг и показал ему сходжение твердей – небесной и земной: **В начале сотвори Господь небо и землю. Того ради сотвори, дабы не мнели человеци, яко без начала суть небо и земля. И разлучи Бог межи светом и тьмою. И нарече Бог свет день, а тьму нарече ночь***³ (28–29);

2) без вкраплений древнерусского языка: *Похороны Христофора состоялись на следующий день. Когда могилу забросали землей, старец Никандр сказал: **Проводивший дни жизни своей в доме у кладбища, дни своей смерти он будет проводить на кладбище у дома. Убежден, что подобная симметрия покойным только приветствуется*** (61);

3) типичной для текста является ситуация, когда после включения нарратора герой переходит на современный язык: ***Что убо о сем речеши, записывал он в сердцах на куске бересты. И как это женщины таких к себе подпускают? Кошмар*** (17);

4) возможен и обратный переход, от современной речи – к древнерусской: *Да, у животных есть душа, но она соприсродна их телу и заключена в крови их. И заметь: до потопа люди не ели животных, щадя их душу, ибо с телом животного душа его умирает. Душа же человеческая телу иноприсродна и с телом не умирает, **несть бо душа человеческа от вещи иныя, но от самого Творца вдуновена благодатию*** (36–37);

Стоит отметить, что функции использования древнерусского языка в устной речи героев не сводятся к обозначению «пограничных состояний героев между жизнью и смертью, при упоминании погибших или смертельно больных людей, в ситуациях предвидения героями собственной смерти или при получении предсказаний о смерти, вообще в мортальных пространствах, при обращении к Богу или высказывании о Боге, а также в пересказе сюжетов, восходящих к библейским» (СОЛОВЬЕВ 2016: 108–109). С этим сложно спорить (это ведущая функция), но дело в том, что всё содержание романа, собственно говоря, можно свести к вышеперечисленному, поскольку в нем описываются события, происходившие с лекарем Арсением, видимой работой которого является здоровье и жизнь его пациентов. Докажем, что привлечение в текст романа древнерусского и современного русского языков наделяет нарратора специфическими функциями.

Нарратор прямо отождествляет свою точку зрения с читательской лишь один раз, используя местоимение *мы* в значении ‘я плюс адресат’: *Передвижение из пункта А в пункт Б, сокрушались в слободке, не*

³ Письменная презентация романа легко интегрирует особенности древнерусского алфавита в современной русской графике.

представляется возможным или сильно осложнено. **Мы** фактически лишились дорог, которых в настоящем значении этого слова не было и раньше (114). Отнести **мы** в этом контексте к нарратору и читателю, а не к жителям слободки, несмотря на отсутствие специализированных грамматических маркеров, позволяет наречие *раньше*.

Нарратор использует стилистически нейтральную разновидность современного русского языка. Единственное исключение заключается в том, что для наименования глав используются буквы кириллического алфавита, обозначающие цифры⁴. Из разговора Арсения и Устины читатель, не знакомый с числовой системой букв, может почерпнуть данные сведения: *Наконец, буквы имели числовое значение. Буква а под титлом обозначала единицу, в – двойку, г – тройку. Почему после а идет б, удивилась Устина. Где же, спрашивается, в? Обозначение чисел следует греческому алфавиту, а в нем этой буквы нет* (86).

Переход от современной речи к древнерусской зачастую фиксирует смену точки зрения: от нарратора к несобственно-прямой или внутренней речи героя. Например:

Больше всего Христофор любил красную, высотой с иголку траву царицы очи. Он всегда держал ее у себя. Знал, что, начиная всякое дело, хорошо иметь ее за пазухой. Братъ, например, на суд, дабы не быти осуждену (18);

*Сквозь прозрачную кожу Устины он видел вены на висках. Чувствовал аромат ее губ. **Яко вервь червлена, устне твои. Прижался щекой к ее лбу. Потихоньку положил ее на лавку и укрыл кожухом*** (73).

Нарратор выступает как переводчик с древнерусского на современный русский язык. Например, при передаче записи Христофора на куске бересты: *В день переезда на новое место Христофор взял среднего размера кусок бересты и записал: **в конце концов, они уже взрослые люди. В конце концов, их ребенку уже исполнился год. Считаю, что без меня им будет лучше. Подумав, Христофор добавил: а главное, так посоветовал старец*** (19).

Нарратор решает ряд просветительских задач, связанных с особенностями письма, способами письменной речи, бытовавших во времена повествования. О традиции передачи чисел буквами мы уже упоминали выше. Внимание читателя также обращается на древнюю манеру чтения (фрагмент 1) и запись слов без пробелов друг от друга (фрагмент 2):

1) *Берестяные грамоты дитя читало вслух. В Средневековье **вообще читали преимущественно вслух**, на худой конец просто шевелили губами* (41);

2) *Читать Арсений выучился рано. Буквы, показанные ему Христофором, он запомнил за несколько дней и вскоре без труда складывал их в сло-*

⁴ Кроме того, это единственная часть текста, где используется церковнославянское кириллическое начертание букв.

ва. *Поначалу ему мешало, что слова в большинстве книг не отделялись друг от друга, а шли сплошной чередой. Однажды Арсений спросил, почему слова не пишутся порознь* (39).

Значимым для замысла текста является ответ Христофора: **А разве они произносятся порознь**, спросил его в свою очередь Христофор. *Я тебе больше скажу. Порой уже не существенно, как и кем слово сказано. Важно лишь то, что оно было сказано. На худой конец подумано* (39). Ответ травника Христофора поражает и своей мудростью, и лингвистической точностью (писать слова отдельно – избыточно), впрочем, как и сам вопрос, предвосхищающий развитие письма в истории человечества.

Другим признаком избыточного оформления современного текста являются правила пунктуации при передаче прямой речи и слов автора. Е. Водолазкин использует стилизованный под архаичный способ оформления диалогов⁵, то есть без кавычек или тире, без специальных грамматических показателей, но чаще всего прямая речь дается с новой строки: *Пробежав через две полутемных комнаты, оказались в третьей. Она была ярко освещена, и в ней стоял человек. Это был князь Михаил.* <абзац> *Слышах, яко ты еси врач хытр, сказал князь. Он подошел к Арсению ближе и заговорил тихо, почти в самое ухо. Высокий – сверху вниз. Жена и дочь, они заболели вчера ночью, понимаешь? Здешние лекари ничего не могут сделать. Ничего. Даже зубы вылечить* (131–132). Очевидно, что определение речевых партий героя и нарратора не представляет никакой сложности.

Просветительская задача нарратора заключается в использовании агнонимов, устаревшей и религиозной лексики, архаичных форм (*декемврий, писало, сажень, седмица, Семик, скудельница, оный, мраз, несть, кровавья* и др.). Более того, агнонимы получают регулярное толкование в тексте, например: *Верхняя и нижняя части избы разделялись полавочниками – широкими досками, на которые ссыпалась сверху сажка. При правильной топке ниже полавочников дым не опускался* (32).

До сих от внимания исследователей «Лавра» ускользал тот факт, что жителями Руси конца 15 – начала 16 века по крайней мере некоторые формы древнерусского языка могли ощущаться как архаичные, например, обращение в звательной форме и формы двойственного числа (РУСИНОВ 1999). Следовательно, использование таких форм выполняет в тексте не

⁵ Так, Н.Д. Русинов пишет: «В древнерусском языке передача чужой речи могла иметь форму прямой речи (*Ольга и рече имъ добра ли вы честь. Они же рѣша пуци ны Игоревы смерти* – «Повесть временных лет»). Косвенная передача чужей речи от дословной (прямой) передачи этой речи отличалась лишь наличием подчинительного союза <...> т. е. 1-ое или 2-ое лицо местоимения при передаче чужой речи 3-м лицом не заменялась» (РУСИНОВ 1999: 163).

только стандартную функцию портретирования, изображения исторической реальности, создания исторического колорита, но и семантико-стилистическую. Употребление звательных форм, которое носит регулярный характер в «Лавре», легко опознается современным читателем, поскольку занимает особую синтаксическую позицию обращения (*жено, Врачу, отче, Христофоре, Арсение, ангеле, Ксение, Устине, человеце, Господи, друже, Агафие, Агапите, кораблениче*). Анализ этих употреблений показывает, что и звательная форма, и другие устаревшие грамматические формы в живых диалогах используются в ситуации знакомства, приветствия: **Ты ли еси Арсений, спросила баба. Аз есмь, ответил Арсений** (126); *Две кровати стояли рядом. На одной лежала молодая женщина (она была гораздо моложе князя), на другой – девочка лет шести. Девочка была без сознания. Княгиня слабо Арсению кивнула. Вначале он подошел к ребенку и взял его за запястье. Затем потрогал лоб. Что речешу, Арсение, спросила княгиня. Ты ведомо имя мое, удивился Арсений* (132); *Когда он подошел, Арсений увидел, что это мальчик лет семи. Аз есмь Сильвестр, сказал мальчик. Се придох, яко болеет моя мати. Ты же, Арсение, помози нам* (136).

Многие исследователи обратили внимание и на довольно частотное употребление в тексте романа анахронизмов другого рода, а именно слов современного русского языка. Следует уточнить это наблюдение: речь героев «Лавра» включает слова и выражения, которые не могли быть в лексиконе носителя русского языка конца 15 – начала 16 веков. Можно привести некоторые примеры: *кругозор* (по данным Национального корпуса русского языка, в обороте с 1839 г.), *сверхзадача* (в корпусе с 1938 года, ввел К.С. Станиславский), *коллега* (в корпусе с 1857 г.), *феномен* (в корпусе с 1783 г.), *постскриптум* (в корпусе с 1847 г.), выражения *терапевтические мероприятия, современная медицина* и др.

Помимо нейтральных или книжных слов и выражений Е. Водолазкин активно привлекает множество «слов, выражений и целых фрагментов, явно выпадающих из стилевой ткани Средневековья (и даже нейтрального стиля) и отчетливо отсылающих к современной речи» (ЛИПОВЕЦКИЙ 2019: 57). Это ресурсы других стилистических пластов современного русского языка, и средства, выходящие за рамки литературного языка. Например:

1) канцеляризмы: *Такие вопросы, объявил старец, прошу решать по месту жительства* (383);

2) разговорные идиомы и конструкции: *я не в лучшей своей форме, как пить дать, тет-а-тет, не парься; Со всеми случается, говорит кому-то на ухо мельник Тихон. Абсолютно со всеми. Уж такая это сфера, что, как говорится, никто не застрахован* (427);

3) брань, просторечия, жаргонизмы: *бля, ё-моё, херово, кореш, шары выкатить, хуй в пальто, твою дивизию* и др. Последняя группа слов появляется в речи разбойников и убийц, а также юродивого Фомы.

Литературные и культурные аллюзии, скрытые цитаты из текстов, появившихся после 1520 года, также стоит отнести к анахронизмам: *Мы в ответе за тех, кого приручили, говорил, глядя волка, Христофор* (33); *Корова (что в вымени тебе моем?) не имела ничего против, хотя всерьез относилась лишь к утренней и вечерней дойке* (170); *Какой, спрашивается, гармонией ты поверишь всю эту алгебру?* (247) и др.

Вторым значимым маркером национально-культурной самоидентификации в тексте выступает **выбор топонима / топонима-хрононима**. М. Липовецкий замечает, что «подобно тому, как Амброджо говорит о современной ему Руси как о Древней, так автор не устает определять время действия романа как Средневековье, тем самым удерживая дистанцию от него» (ЛИПОВЕЦКИЙ 2019: 61). Амброджо говорит так: *Я заметил, сказал Амброджо, глядя вслед прохожему, что за негодностью дорог люди Древней Руси предпочитают водный путь. Они, кстати, еще не знают, что Русь – Древняя, но со временем разберутся* (258). Подобное колебание номинации встречается и во фразе *После этого разговора он [Амброджо] начал брать у купца уроки (древне)русского* (230).

Нарратор 14 раз идентифицирует описываемое время как *Средневековье, средневековый*: *роль слова в Средневековье была значительнее, чем сейчас; Средневековье не было временем сентиментальным; он [Христофор] был убежден, что правил личной гигиены следует придерживаться и в Средневековье; Средневековье глистов было много; открытыми у средневекового человека были лишь лицо и кисти рук; в Средневековье не было фотографий, и забвение становилось окончательным*. Поскольку, как мы упоминали выше, нарратор отождествляет себя с современниками читателя, по одному разу термин *средневековый* автор «поручает» произнести Юрию Александровичу Строеву и Александре в их разговоре о профессиональном выборе: *Помолчав, она спросила: А почему вы выбрали средневековую историю? Трудно сказать... Может быть, потому, что средневековые историки не были похожи на нынешних* (237).

Безусловно, позиция нарратора обязывает держать дистанцию, не отождествляться с сознанием героя. Однако, возникает вопрос: если герои обладают даром провидения, то есть знают, что этот исторический период будут называть впоследствии *Древняя Русь* (а не *Русь*), то почему бы им не знать и термин *Средневековье*? См. в толковом словаре:

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, -я, ср. То же, что средние века (см. *средний*). *Период средневековья. Искусство средневековья. Культура средневековья.*

Средние века – период всемирной истории (конец 5 в. – середина 17 в.), следующий за историей древнего мира и предшествующий новой истории. (СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА 1999).

Оппозиция хрононимов *Древняя Русь / Средневековье* актуализирует речевую партию нарратора, позволяя ему осуществить своё само-

определение: он считает, что этот период существования русских называется не *Древняя Русь* и тем более не *Русское государство*, а именно *Средневековье*. Данный хрононим позволяет избежать прямой национальной самоидентификации (с корнем *рус-*, *рос*) и выдвинуть этот исторический период как важный семиотический центр, середину времени и пространства, средоточие смысла. Термин *Средневековье* также, не являясь национально маркированным, относит Русь (Россию) к Европе и всему миру, делая ее частью всемирной истории, а не противопоставляя другим.

Переводчик «Лавра» на венгерский язык Лайош Пальфальви метко замечает, что «роман Водолазка знаменит читателя со специфической северо-западной версией древнерусской идентичности, которая сильно отличается от московской. Царя будто не существует в сознании персонажей, а северные города независимы, самостоятельны, как греческие города-государства» (ПАЛФАЛЬВИ 2019: 455). В этом романном мире, представляющем, по Л. Пальфальви, «самую лучшую сторону византийской модели», «чистую форму христианства» (там же), в этот промежуточный период человек мог говорить на любом синхронном и асинхронном языке, пользоваться любым стилистическим вариантом, что было описано выше. В этом ряду, безусловно, находятся и такие факты, что герои легко и быстро овладевают иностранными языками (например, Амброждо – древнерусским или Арсений – немецким). Не один раз герои, используя свои родные языки, в диалоге достигают абсолютного понимания, см., например, подобный разговор венецианки Лауры и Арсения: *Мир ти, чадо, произнес Арсений. Я хотел лишь узнать, не покинула ли тебя жизнь. Она смотрела на него без удивления. Меня зовут Лаура, и я не понимаю твоего языка. Я вижу, что ты чем-то подавлена, но не знаю причины твоей скорби. Иногда легче говорить, когда тебя не понимают. Возможно, ты беременна, и ребенок твой не будет законным, ибо его отец не стал твоим мужем* (311). Герои романа обладают не только даром исцеления, даром пророчества, даром предвидения, даром слёз⁶, но и даром языка.

В этом контексте «чистой формы христианства» начинает актуализироваться внутренняя форма лексемы *Средневековье*: выдвигается смысл ‘середины, места соединения, устранения противоречий’. Нарратор, следуя пониманию сущности человека, которое дает Арсению его дед Христофор, и – в нашей трактовке – смысловому центру текста⁷,

⁶ Тестовые номинации.

⁷ *Тело наше в персть разыдется. Но Господь, создавший тело из персти, наша телеса разшедшася купно восставит. Ведь это, знаешь, только кажется, что тело разлагается без следа, что смешивается с другими элементами, становясь землей, рекой, травой. **Наше тело, Арсение, как разлитая ртуть, которая лежит, распавшись на мелкие шарики, на земле, но с землей не смешивается.** Она лежит себе до тех пор, пока не придет некий умелец и не соберет ее*

обнажает противоречия – личные, социальные, межнациональные, но затем парадоксальным образом их снимает, нейтрализует, то есть не устраняет различия, но актуализирует возможность сосуществования и похожести. См. характерный фрагмент, являющийся концом романа: *Что вы за народ такой, говорит купец Зигфрид. Человек вас исцеляет, посвящает вам всю свою жизнь, вы же его всю жизнь мучаете. А когда он умирает, привязываете ему к ногам веревку и тащите его, и обливаетесь слезами. Ты в нашей земле уже год и восемь месяцев, отвечает кузнец Аверкий, а так ничего в ней и не понял. А сами вы ее понимаете, спрашивает Зигфрид. Мы? Кузнец задумывается и смотрит на Зигфрида. Сами мы ее, конечно, тоже не понимаем* (441).

Итак, анализ национально-культурной самоидентификации нарратора и героев романа «Лавр» становится ключом к пониманию смысла текста. Несовпадение точек зрения, проявившихся как в выборе ресурсов древнерусского языка и разных стилистических регистров, так и столкновении хрононима *Средневековье* и хрононима-топонима *Древняя Русь*, актуализирует речевую партию нарратора, выполняющего просветительские задачи. Выдвижение роли нарратора позволяет сконцентрировать внимание на понятии *Средневековье*, оживить его внутреннюю форму: *Древняя Русь* этого периода становится местом соединения и сосуществования изначально антагонистических явлений. И если в реальной жизни национально-культурная идентичность обостряется в период конфликтов и войн, то в художественном пространстве романа она конструируется своеобразной фигурой умолчания (не упоминанием *Москвы, царя*), а лишь путем противопоставления слов, отражающих самоидентификации героя и нарратора.

Литература

- БЫКОВА Г.В. (2007) Язык – главное условие этнической самоидентификации // Сибирский педагогический журнал, 2007. № 2. 292–297.
- ВАЙНРАЙХ У. (1972) Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. Москва, 1972. 25–60.
- ВОДОЛАЗКИН Е.Г. (2015) Лавр. Москва, 2015.
- ЛАППО М.А. (2013) Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск, 2013.
- ЛИПОВЕЦКИЙ М. (2019) Анахронизмы в *Лавре* Евгения Водолазкина, или Насколько серьезна «новая серьезность» // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Краков, 2019. 49–66.
- ПАЛФАЛЬВИ Л. (2019) О венгерском переводе романа Лавр Евгения Водолазкина (заметки переводчика) // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Краков, 2019. 451–460.

обратно в сосуд. Так и Всевышний вновь соберет наши разложившиеся тела для всеобщего воскресения (с. 37).

- РУСИНОВ Н.Д. (1999) Древнерусский язык. Москва, 1999.
- СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА (1999) В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. Москва, 1999.
- СОЛОВЬЕВ Е.Ю. (2016) Специфика презентации речи героев в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Молодая филология. Новосибирск, 2016. 105–112.
- УРАЗБЕКОВА А.А. (2014) Заимствования из польского языка в русской исторической прозе I половины XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 5(1). 140–144.
- ШАХБАНОВА М.М. (2010) Язык как признак этнической самоидентификации (по результатам социологического исследования) // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2010. № 2. 289–284.

National-cultural self-identification in Russian-language fiction of the XXI century: a linguistic aspect (on the material of E. Vodolazkin's novel "Laurus")⁸. The paper aims to analyze the linguistic methods of constructing ethnocultural identity in the space of E. Vodolazkin's novel "Laurus". The author describes the linguistic identity of the heroes and the narrator, based on the combination of elements of the Old Russian language and various stylistic layers of the modern Russian language, and the significant opposition of *the Middle Ages / Ancient Russia*. It is proved that the interpretation of national and cultural self-identification in a literary text can become a tool for identifying its semantic dominant.

Keywords: Ethnocultural identity, self-identification, anachronism, chrononym, "Laurus"

⁸ Funding: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 21-512-23003, "One's own" and "somebody else's" in modern Russian and Hungarian fiction.